DOI: 10.17117/na.2015.02.227

Поступило в редакцию: 05.02.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.02.227.pdf>

Гурина Н.Е.
Тема блокадного Ленинграда в романе
И.Н. Полянской «Горизонт событий»

Gurina N.E.
Subject of besieged Leningrad in I.N. Polyanskaya's
novel "The horizon of events"

Статья посвящена рассмотрению блокадной темы в романе И. Полянской «Горизонт событий»

Ключевые слова: современная проза, отечественная история, Великая Отечественная война, блокада Ленинграда

Article is devoted to consideration of a blockade subject in I. Polyanskaya's novel "The horizon of events"

Key words: modern prose, national history, Great Patriotic War, Siege of Leningrad

Гурина Наталья Евгеньевна

Старший преподаватель

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Волгоградская обл., г. Михайловка, ул. Рабочая, 23 А

Gurina Natalja Evgenjevna

Senior Teacher

Volgograd state social and pedagogical university

Volgograd region, Mikhailovka, Rabochaya st., 23 A

И.Н. Полянская в своих произведениях исследует проблему личности в контексте отечественной истории XX столетия. В художественном мире романа «Горизонт событий» (2002) сюжетные линии связаны с переломными моментами отечественной истории, в которые «помещает» писательница своих героев, на себе ощущающих давление дальних и недавних лет. Прошрое угадывается в характерах и судьбах героев произведения, переживших испытания революцией, Гражданской войной, ленинградской блокадой, послевоенной неустроенностью, «застоем» советской поры и «перестройкой».

Через восприятие главной героини Шуры представлены события Великой Отечественной войны, связанные с блокадой Ленинграда. С описания блокадной зимы начинается повествование первой главы с названием «Смерть замечательных людей». Отсылающее к постмодернистской игре смыслами заглавие, вызывая в памяти читателей хорошо известную серию книг «Жизнь замечательных людей», приобретает серьезное звучание, словно заново знакомя читателей с событиями тех дней. Дело в том, что автор «Горизонта событий» стремится подчеркнуть относительность официальных данных о любом историческом факте, в том числе и о блокаде: «На лицевой стороне проступают события, облагороженные канвой, люди, живые и павшие, раненные при обстрелах из сверхкрупных гаубиц, <...> а изнанка скрыта от взгляда, она нарас-

тает исподволь, как лед в ноябре, овеваемый небытием» [10, с. 31–32]. Эту «изнанку» истории стремится продемонстрировать И.Н. Полянская, сообщая об ужасающих подробностях зимы сорок второго года, которые навсегда врезались в память Шуры: «когда пригрело мартовское солнце, поленница подобранных на улицах трупов росла не по дням, а по часам <...>. Строго секретная записка прокурора <...> на имя секретаря горкома о случаях людоедства, рисуя портрет человека, доведенного <...> голодом до полной потери человеческого, гласила: <...> на 98,51% беспартиен, на 4,5% служащий, на 0,7 % крестьянин <...>» [Там же, с. 40]. Процентное соотношение, представленное в официальных сводках, саркастически высмеивает равнодушие власти к человеку: смерть от голода и холода выстраивает собственное «равенство», не признающее ни классов, ни партий. «Сбывались <...> литературные пророчества – в ту пору, когда в городе наладили производство хвойного настоя от цинги, Шура случайно раскрыла «Крестовых сестер» Ремизова» и прочитала: «Настой из навоза будет пить народ, а больше ничего не будет съестного <...>» [Там же, с. 26].

Разумеется, не случайно в руках героини оказывается именно это произведение Алексея Михайловича Ремизова, пополнившего в 1921 году ряды писателей-эмигрантов. Его «Крестовые сестры», опубликованные в Санкт-Петербурге в 1910 году и больше не издававшиеся на Родине до второй половины 1980-х, по-новому читаются и блокадной ленинградкой, и автором романа, стремящимся к восстановлению прерванной в 1920-е годы историко-литературной традиции.

Следует отметить, что слова А.М. Ремизова «русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами» [11, с. 307] приводятся автором романа с изменениями. И.Н. Полянская сознательно делает акцент не на сведениях А.М. Ремизова о свойствах удобрения, а на мировосприятии своей героини, чье сознание деформировано блокадным голодом. По-видимому, неточное цитирование в таких обстоятельствах позволяет автору донести мысль о том, что культурная традиция не знает дискретности, то есть мысль о своевременности и современности литературы русского зарубежья.

И.Н. Полянская словно заставляет и читателя взять с полки произведения «возвращенного» писателя, прочитать вместе с Шурой в «Крестовых сестрах» о нескладной жизни Маракулина, кто «пять лет заведовал талонными, и все было в полной исправности и точно – Маракулина за его исправность и точность в шутку немцем прозвали», но «произошла заминка, <...> путаница <...>. И книжки у него отобрали, и его по шапке». Так «слепую случайностью выбитый из колеи», персонаж Ремизова «доказывает свое право на существование» [11, с. 200] в споре с основателем Санкт-Петербурга: «Петр Алексеевич, – сказал он, обращаясь к памятнику. – Ваше императорское величество, русский народ настой из лошадиного навоза пьет и покоряет сердце Европы за полтора рубля с огурцами» [Там же, с. 307]. Маракулин «подобно пушкинскому Евгению, бросает вызов Медному всаднику» (М.В. Козьменко), олицетворяющему, по его мнению, весь ужас и нелепицу русской жизни. Героиню Полянской поражает «прогностическая образность» А.М. Ремизова, в молодости охваченного рево-

люционным порывом, в зрелые годы резко порвавшего с революцией. Но главное в том, что принадлежавший к модернистскому крылу русской литературы А.М. Ремизов в своем центральном произведении предельно реалистичен, «почти все мотивировки действия «документированы» (М.В. Козьменко). Это обстоятельство позволяет говорить о схожести методов творческой работы художников, разделенных почти столетием.

Изображая жизнь маленькой Шуры в блокадном городе, И.Н. Полянская правдиво повествует о страшных подробностях судьбы Ленинграда, осажденного фашистами: «Температура опускалась все ниже и ниже <...>. Редкие прохожие на улице вдруг застыли в равновесии между жизнью и смертью, и порыва ветра было достаточно, чтобы уложить их на снег с неотоваренными карточками у сердца» [10, с. 31]. Голод и холод «ломали» психику людей, притупляли все чувства. Голод «продиктовал» Шуре съесть шоколад, который был прислан соседу, немцу Герману Хассе, единственному человеку, заботившемуся о ней в ту страшную зиму: «запах шоколада быстро сбил ее с толку. <...> Шура и думать позабыла про немца. <...> Съев шоколад, <...> она пошла в логово соседа. <...> Шура испугалась, что, встретившись с ней глазами, немец увидит внутри нее шоколадку <...>. Спустя неделю немец умер» [Там же, с. 36]. Правду характера Шуры и главный мотив ее «преступления» И.Н. Полянская воссоздает в полном соответствии с событиями блокадных дней. О чувстве голода, уродующем психику человека, повествуется и в художественно-документальной «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина, только в 2013 году опубликованной без «изъятий»: «Со слезами смущения, вины, удивления перед тем, что голод с нею сделал, вспоминает Таисия Васильевна Мещанкина про такой случай <...>. Прихожу я в булочную и смотрю – там дерутся <...>. Говорят: бьют парня, который у кого-то отнял хлеб. <...>. И вы представляете себе, не знаю как, но евонный хлеб попадает мне в руку, я кладу в рот <...> и продолжаю того парня толкать. А потом говорю себе: «Господи! Что же я делаю? Хлеб-то уже у меня во рту?!» <...>. Мне стало стыдно <...>. Пришла домой и простить себе не могу» [1, с. 58]. Шура, главная героиня романа И. Полянской, также не сможет простить себе нескольких шоколадных долек, которые съела тайком от своего спасителя, упрекая себя в нарушении одной из главных заповедей: не укради. Этот поступок по истечении многих лет будет восприниматься героиней как истинная причина гибели ее сына, как расплата за грех, после которой она станет угасать: «Прошлое больше не связывало Шуру ни любовью, ни отвращением, ни привычками, ни чувством долга» [10, с. 11].

Поначалу читателю представляется, что смерть Германа, сына несчастной Шуры, которого она назвала в память о погибшем соседе-немце, стала причиной ее психического нездоровья. Однако, создавая правдивый характер своей героини, автор отметит, что первые симптомы болезни появились у нее вследствие военных страданий. В училище, куда определила племянницу весной 1942 года ее тетка Наталья Гордеевна, «Шура стояла у станка восьмой <...> и все время путала себя то с Таней Субботиной, то с Милой Новиковой <...>. Шура не смела никому рассказать о своих галлюцинациях, которых в прежние, довоенные времена у нее не было <...>, но теперь вся пластика и координация

движений у нее были непоправимо нарушены блокадой» [Там же, с. 64]. Таким образом, автор романа подчеркивает губительное влияние войны на детскую душу, придавая произведению сильнейшую антивоенную направленность.

Следует отметить: «Выбор предмета изображения – прошлого, не существующего как наличная материальная и духовная субстанция, определяет особую роль текстов-посредников (исторических документов, научных концепций, фольклорных и литературных текстов, а также других видов искусства изображаемой эпохи) в процессе его постижения» [5, с. 77]. Можно предположить, что и художественно-документальная «Блокадная книга» (1984) А. Адамовича и Д. Гранина становится для И.Н. Полянской своего рода «текстом-посредником», ориентиром в отборе наиболее памятных и значительных явлений, связанных ленинградской блокадой. В «Блокадной книге» встречаются особенно горькие для писателей воспоминания ленинградцев: «Книжки я жег собственноручно <...>. Жгли мебель. Ценились не вещи – настоящими блокадниками, во всяком случае, – не шкаф, например, а дрова из массивного шкафа» [1, с. 54]. В мире романа «Горизонт событий» документальные свидетельства приобретают характер художественного обобщения, передавая мироощущения главной героини, вынужденной сжигать все, что могло гореть и согревать: «пришло время, и на первый план выдвинулись грубые, однозначные вещи, <...>. Одни вещи могли дать тепло, другие – нет <...>. Шура расщепляла паркет, кровать немца <...>. Что касается библиотеки, то если в октябре книги шли выборочно на быстрое <...> тепло, и немец долго торговался за каждую книгу <...>, – то в ноябре он перестал ощущать ценность отдельной книги <...>» [10, с. 24–25].

Вместе с образом маленькой Шуры поднимается «на поверхность» тема: «дети войны». Полный отчаяния дневник шестнадцатилетнего Юры Рябинкина из «Блокадной книги» в художественном мире романа И.Н. Полянской переживает Шура. Ей близки и его сосредоточенность на еде, и изнуряющее стояние в очередях, и мысли, поразительные «в своей не по возрасту зрелости и трагической точности» (А. Эльяшевич): «Вспомнилась почему-то фраза Горького из «Клима Самгина»: «А может, мальчика-то и не было?» [1, с. 212]. Создается впечатление, что в романе И.Н. Полянской той девочки, первой хозяйки малахитовой шкатулки, отправившейся вместе с Шурой по Дороге жизни, словно «не было». А вот Шуре выпало жить, автору – исследовать изменения ее характера в послевоенном мире, где не суждено героине освободиться от преследовавшего ее страха перед голодом. Шура «всю жизнь потом собирала оставшийся хлеб, подсушивала и складывала сухари в мешочки» [10, с. 386]. И.Н. Полянская, как и ее предшественники, воссоздавшие на страницах своих произведений образ измученного блокадой Ленинграда, поднимает в своем произведении болезненные темы. Не случайно авторы «Блокадной книги» задаются вопросом: «пришло ли время для этих рассказов такой жестокой беспощадности?» [1, с. 16]. Ответ приходит сразу: «если все это было на планете – тот блокадный смертельный голод, бессчетные смерти, муки матерей и детей, – то память об этом должна служить другим людям и десятилетия и столетия спустя» [Там же, с. 16]. Потому и Полянская озабочена стремлением официаль-

ной историографии не раскрыть, а «заретушировать» подлинное значение трагических событий XX века.

Сопоставляются автором и трагические этапы истории человечества – войны, которые словно «шьются на вырост» [10, с. 33], потому никогда не заканчиваются. Но особую жестокость Второй мировой войны И.Н. Полянская ни с чем сопоставить не в силах: «Такого не было ни в Платее, ни в Потиде, взятых после осады и опустошенных лакедемонянами» [Там же, с. 34]. Автор отсылает читателей к древней истории: накануне Пелопонесской войны Потидея входила в состав Афинской державы, но продолжала поддерживать тесные связи с Коринфом, колонией которого она являлась. Афиняне приказали Потидее не оказывать помощь их противникам. Началась осада Потидеи, продолжавшаяся два года. Осажденный город сдался только зимой 430 г. д.н.э., вынужденный к этому страшным голодом, отмечались даже случаи людоедства. О случаях людоедства в осажденном немцами Ленинграде говорит и автор «Горизонта событий»: «Мертвых надо было охранять от живых» [10, с. 40]. Весь город словно замер в оцепенении. «Время пожирало Город. Оно стало вырастать прямо на глазах, как будто распухало от голода» [Там же, с. 23]. В главе «Смерть замечательных людей», описывающей жизнь и смерть жителей блокадного Ленинграда, образ времени, где нельзя отличить мираж от реальности, предстает в виде торта с названием «Время»: «со взбитым из белков циферблатом, со стрелками из толченых орехов <...>, с надписью цифр из шоколадной стружки, с этого времени ленинградцы начали выкапывать блиндажи в отложениях девонского периода <...>» [Там же, с. 22].

Однако город упорно преодолевал страдания, что в романе И.Н. Полянской подчеркивает ежедневный маршрут Шуры, возвращающейся домой. «Лестница старого петербургского дома – это самая таинственная часть его пространства. Она объединяет всех живущих в доме своим движением <...>. Лестница – символ дома», что заставляет «ощущать вокруг скопление жизней и судеб» [7, с. 94]. Изображение лестницы блокадного дома, по которой поднимается Шура, напоминает, что «Петербург – это всегда преодоление. А пространство лестницы, как никакое другое, соотносится с движением вверх, марш за маршем <...>» [Там же]. Особый в русской культуре «Петербургский текст», через который «Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального» [12, с. 275], дополняется в романе И.Н. Полянской «блокадным текстом». Исторические аналогии, возникающие в произведении, раздвигают «горизонты» случившегося с нашей страной в XX столетии, вписывая отечественную историю в общечеловеческую, но подчеркивая: ужасающие месяцы охваченного повальной смертью Ленинграда не имеют аналогов в прошлом, они должны остаться единственными на все времена. В сюжетно-композиционной структуре романа И.Н. Полянской можно отметить и наличие контрастных противопоставлений.

Так, писательница на протяжении всего повествования подчеркивает несоответствие между прошедшими историческими событиями, фактами и тем, как эти события интерпретировались, вернее, искажались в угоду политическому режиму. Блокаду, описанную в книге Каверина «Два капитана» (1944),

автор противопоставляет пережитому маленькой Шурой: «Окна квартиры, в которой проживал писатель Каверин, выходили на больницу имени Софьи Перовской, где когда-то работала Шура. Во время блокады в эту больницу часто доставляли раненых детей – немцы пристреливались к трамвайным остановкам. «Я не мог видеть их, окровавленных, умирающих <...>», – писал Каверин. <...> Главы в «Двух капитанах», посвященные блокаде города, скорее всего, написаны им в новой квартире, на которую автор перебрался, чтобы не видеть умирающих детей. Город, сожженный Временем, виделся ему сквозь легкую дымку <...>, как земля Петерсена, факт существования которой опровергала экспедиция капитана Татаринова» [10, с. 171–172].

Автор «Горизонта событий» снимает «легкую дымку» с трагических эпизодов блокады Ленинграда, о которых, не забывая об атмосфере сороковых, когда «страх был связан с арестом, пытками, расстрелом, смертельной опасностью во всех ее проявлениях» [6, с. 3], Каверин, действительно, писал уже в более позднем, 1988-ом: «Я перестал бывать в своей квартире отчасти потому, что в больницу имени Софьи Перовской, находившуюся прямо напротив нашего дома, стали привозить раненых детей – немцы пристрелялись к трамвайным остановкам. Я не мог видеть их, окровавленных, умирающих, с перебитыми руками и ногами» [Там же, с. 175].

Не исключено, что и название «Пролог», словно делающее акцент на необходимости видеть и внимательно изучать все то, что было с нашей страной и нашими соотечественниками, полемично по отношению к книге итогов «Эпилог», опубликованной В.А. Кавериним в 1989 году. «Эпилог» начал складываться «в начале семидесятых годов, то есть в период так называемого «застоя». Господствующим ощущением был <...> прочно устоявшийся страх, как бы гордившийся своей стабильностью» [Там же, с. 3]. И.Н. Полянская не призывает ни приукрашивать нашу историю, как бы мы ни любили свое Отечество, ни очернять ее, она призывает помнить и видеть, что и как «течет» в будущее, ведь история не только время, это люди, жизни которых тоже нельзя «вернуть вспять».

В сравнении с предыдущими романами в «Горизонте событий» временные рамки художественного мира романа значительно расширены: захватываются и Сараевское убийство 1914 года, послужившее толчком к началу Первой Мировой войны, и годы первых пятилеток, и Великая Отечественная, и период позднего сталинизма (1946–1953), и «оттепель», и «застой», и «перестройка» – все этапы истории страны «пропущены» через сознание, через психологию персонажей. У каждого из них свой жизненный путь, сопоставимый, по словам М.М. Бахтина, с «реальным пространственным путем-дорогой» [3, с. 48]. Актуальным по отношению к организации пространственно-временной структуры романа является и следующее наблюдение ученого: «Особое важное значение имеет тесная связь мотива встречи с хронотопом дороги» [2, с. 248], «обособленно мотив встречи невозможен: он всегда входит в состав сюжета и в конкретное единство целого произведения» [Там же, с. 247].

В художественном мире романа Полянской хронотоп дороги важен для характеристики судьбы Шуры: ее спасает ленинградская Дорога жизни. Она

выполняет и сюжетообразующую функцию: здесь Шура встречает девочку с малахитовой шкатулкой, к которой стянуты все нити сюжетного развития. Стоит учесть: «Человеческое сознание с опорой на хронотоп дороги выстраивает модель мироздания, репрезентируя в метафорах пути свои знания об окружающем мире, представления о самом себе, своем месте в социальном бытии» [8, с. 6]. Образ дороги в таком всеобъемлющем значении возникает в конце романа, когда дочь Шуры Надя отправляется в Сибирь в надежде найти себя и свое собственное место на земле: «Между тем тьма за окном поезда наращивала обороты <...>. Сумрачные ели, корабельные сосны расступились, и поезд загрохотал по мосту через реку Томь <...>» [10, с. 398]. Этот сюжет-путешествие подтверждает мысль исследователя Е. Добина, утверждающего, что «вещь крепко связана с ходом сюжета. И еще в более сильной степени – с душевными перипетиями, <...> действующих лиц» [4, с. 392]. Действительно, в дороге Надежда слышит рассказ своего попутчика – Георгия – о детстве его матери в блокадном Ленинграде, о том, как она страдала и спаслась игрой с необыкновенной малахитовой шкатулкой и о том, что маму его чудом не сочли за умершую, но вот спасительная шкатулка осталась в могиле с погибшими блокадниками. А мама, став взрослой, свяжет салфетку наподобие той, что была до войны под шкатулкой и, вытирая пыль на серванте, «всякий раз делает руками такое движение, как будто поднимает что-то с салфетки и переносит на другое место» [10, с. 405]. Так, вещь – шкатулка – оживляет блокадное прошлое родителей, связывая единым сюжетным действием представителей молодого поколения.

В романе «Горизонт событий», где в качестве основного исторического фона выступает Великая Отечественная война, нет развернутых батальных картин, есть страдания мирного населения, есть поединок человека с голодом, поиск того, что помогает выжить. «Хлебом насущным» становятся книги и произведения искусства, не совместимые с чувством собственности или выгодой. Оттого и шкатулка чудесным образом оказывается в руках тех, кому требуется немедленная помощь. Сюжетная деталь – шкатулка, с которой начинается повествование (ссора в семье Лузгиных) и которая «замыкает» его, становится образом, организующим сюжет сложного романного действия.

Автор подробно описывает предмет: «На атласных лепестках каменной розы задержался луч <...>. Стоило немного повернуть крышку, и роза заволакивалась диковинными деревьями, еще один поворот – и на нижнем ее лепестке появлялся заяц <...>, можно было увидеть также крокодила, оленя, ястреба, куницу, русалку. А если шкатулку подставить под косой луч солнца, из глубины всплывет новая вереница образов: восьмиугольные часы, сфинкс, плетущий паутину паук, длинный меч с рукояткой, похожий на лиру, хрустальная чаша <...>» [Там же, с. 56]. Не исключено, что в образе шкатулки, открывающей взгляду все более глубокие пласты времени, пространства, сознания, памяти, отразились современные представления о культуре, которая «организована по принципу «матрешки», но «матрешки стеклянной», которая снаружи просматривается до глубины» [9, с. 30–31]. По мнению исследователей, «матрешка» – удачная метафора, доступно демонстрирующая и роль традиции, и незыбле-

мость канона, который рано или поздно, а все же преодолевается, – обо всем этом важно поговорить как раз в связи с постмодернизмом» [Там же]. Однако в серьезной литературе, к которой принадлежит и проза Полянской, тоже есть заимствования из прошлого, но «нет никакого игрового, иронического момента, без чего постмодернизма не существует. Это не игра, а жизнь, а в реальной жизни то, что заимствуется, становится своим – только это «освоение» выражается для каждой конкретной культуры по-своему» [Там же, с. 34].

Так и в шкатулке из романа И.Н. Полянской «выложенные неведомым уральским умельцем знаки ходят по кругу, поднимаемые солнечным лучом на поверхность» [10, с. 56]. Автор не случайно эти слова-знаки выделяет курсивом: за каждым из них – исстари закрепленный смысл. Так, роза «символизирует природную красоту как источник поэтического вдохновения» [13, с. 134]. Дерево исстари «символизирует центральную ось мира, соединяющую Небо и Землю; человека и его путь к духовным высотам; циклы жизни, смерти и возрождения <...>» [Там же, с. 45]. Посредника между небом и землей символизирует олень, изображение которого также возникает при вращении шкатулки. Кроме того, олень «ассоциируется с Солнцем, восходом, светом, чистотой, обновлением, возрождением, созиданием и духовностью» [Там же, с. 112]. Однако при вращении шкатулки всплывает и вереница пугающих образов: крокодил, ястреб, куница, русалка – воплощение хищничества, обмана и коварства. Таким образом, можно предположить, что в малахитовой шкатулке, как в стеклянной «матрешке», запечатлено все: и светлые, и темные стороны человеческой истории и культуры. От каждого зависит, каким «боком» повернуть шкатулку, что окажется для современников и последующих поколений плодотворным и поучительным. Может, именно поэтому символический ряд образов на крышке шкатулки замыкает хрустальная чаша, которая, как правило, ассоциируется с накоплением человеческих знаний о мире и природе, об их взаимоотношениях, о возможности использования опыта и традиций исключительно на пользу цивилизации.

Духовную ценность шкатулки, изготовленной уральскими мастерами, осознают и герои романа И. Полянской: Шура, унаследовав эту вещь, никогда не расстается с ней, а девочка, которую считали умершей, на протяжении всей жизни хранит образ шкатулки в своей памяти: «связала крючком салфетку, точно такую, на какой в ее ленинградском доме стояла эта шкатулка» [10, с. 405].

Сама И.Н. Полянская смотрит на культуру как на драгоценную, передаваемую из поколения в поколение «шкатулку», уважительно вспоминая и о произведениях отечественной и мировой классики, и о художниках-гуманистах советских лет, заставляя читателей рассмотреть сквозь толщу идеологических напластований общечеловечески значимое, что и сегодня хранят их творения. С этой точки зрения роман И.Н. Полянской – тоже своего рода «шкатулка», вместившая представления автора об истории и современности: «Книга, по сути, безумное предприятие, похожее на выход в открытое море без парусов, компаса и карты <...>. Безумные книги пишутся симпатическими чернилами и прочитываются теми, кто умеет пользоваться светом <...>» [10, с. 297].

Хочется надеяться, что романы И.Н. Полянской еще долго будут востребованы вдумчивыми читателями, которые непременно воспользуются светом, позволяющим открыть истинные глубины произведения.

Список литературы:

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1984. 301 с.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст, 1974. М.: Наука, 1975. С. 203–212.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
4. Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Сов. писатель, 1981. 430 с.
5. Дронова Т.И. Проблема достоверности документа в художественно-историческом сознании // Изв. Саратов. ун-та. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 77.
6. Каверин В.А. Литератор: дневники и письма. М.: Сов. писатель, 1988. 304 с.
7. Лелина В. Петербургские лестницы // Аптекарьский остров: альманах. 2001. № 1. С. 94–96.
8. Меркулова И.И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830 – 1840-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2007. 22 с.
9. Орлицкий Ю., Яблоков Е. Что внутри стеклянной матрешки? // Родина. 1996. № 2. С. 30–31.
10. Полянская И.Н. Горизонт событий: Роман. М.: Олимп: АСТ, 2002. 414 с.
11. Ремизов А.М. Крестовые сестры // Собрание сочинений. М.: Рус. книга, 2003. Т. 4. С. 97–210.
12. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.
13. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ: Торсинг, 2006. 592 с.

© 2015, Гурина Н.Е.

Тема блокадного Ленинграда в романе И.Н. Полянской «Горизонт событий»

© 2015, Gurina N.E.

Subject of besieged Leningrad in I.N. Polyanskaya's novel "The horizon of events"